

56

ГЕРОИ
И ПОДВИГИ

Дальневосточники

БОГАТЫРЬ С АМУРА

Подполковник Б. ПАРХАЕВ

I.

Человек стоял на верхней палубе парохода. Он с видимым наслаждением вдыхал свежий воздух, напоенный густым запахом луговых цветов. Его узкие черные глаза под нависшими морщинистыми веками смотрели не по-стариковски молодо, в них то и дело вспыхивали радостные искорки, вызванные, по-видимому, какими-то светлыми воспоминаниями.

Справа по борту ускользал крутой скалистый берег Амура с высоким утесом; потом пароход нырнул под железнодорожный мост. Старик нанаец молча поглядывал на сочную зелень трав, и когда уставали глаза, он сосредоточенно смотрел на мутную воду, бурлящую и пенящуюся.

— Мангму, — тихо проговорил он.

Его хрипловатый голос привлек внимание средних лет рослого мужчины в выцветшей военной гимнастерке.

— Что такое Мангму, отец? — спросил он.

Старик неторопливо повернул к говорившему темное, прокопченное лицо и ответил:

— Мангму по-нанайски. — Амур. Наша родная река. И мы, нанайцы, называем себя амурским народом. Правильно, однако. Давно-давно наш народ живет по Амуру. Мангму дает нам рыбу, дает жизнь.

Старик умолк.

Мужчина в военной гимнастерке сказал:

— Хороший народ нанайцы — храбрый, честный, великодушный. Знал я одного на Донском фронте...

Говорившего прервал нанец средних лет:

— Верно, немало у нас таких. В школе, в Найхине, я учился с одним. С Максимом Пассаром.

Человек в гимнастерке удивленно взглянул на собеседника.

— Да, с Максимом, — продолжал тот. — Однажды у нас в районе проводились лыжные состязания. Не было человека, кто бы быстрее Максима ходил на лыжах. Махнул судья флажком, началась гонка. Максим сразу вырвался вперед. Разве за ним угонишься: прирожденный охотник...

Нанец сокрушенно кивнул головой:

— А первенства так и не завоевал.

— Почему же?

— Кто-то сзади крикнул: «Захар ногу сломал!». Захар Киле — его неразлучный дружок. Остановился Максим, повернул лыжи и погнался назад. Взмок весь. Увидел Захара на снегу, склонился над ним, осмотрел ногу. Потом соорудил из Захаровых лыж нечто вроде санок, положил друга бережно на них и привез в село. Вот так и упустил первенство.

— А мне, стало быть, на передовой пришлось с ним встретиться, — сказал человек в военной гимнастерке. — При странных обстоятельствах. Собственно говоря, я его и не видел, а, так сказать, товарищескую выручку на себе испытал.

— Каким же образом? — спросил нанец, явно заинтересованный сбивчивым вступлением своего русского спутника. А тот продолжал:

— Наш передний край близко был от немецкого. Все видели, что на их стороне делалось. Заметили — гитлеровский офицер далеко ушел от своих блиндажей, решили в плен взять. Командир разрешил. Трое нас было. Выбрались из своих окопов и попластунски вперед, наперерез фашисту. И то ли он заметил нас, то ли сделал свое дело, — назад возвращаться стал. Мы вперед, торопимся. Досада взяла: уйдет, думаем. Но лезем, спешим. И он ускорил шаг. Вдруг — выстрел. Грохнулся наш немец, лежит. Эх, думаем, пропал «язык». Подползаем ближе — решили хоть документами воспользоваться. Смотрим, а он живой. Осмотрели — пониже ко-

лена нога перебита. Вот чудо-то! Приволокли его к командиру, тот благодарит. Друг мой ему отвечает: «Не мы, товарищ капитан, виноваты в этом, кто-то помог нам». Навели справки, оказывается, это снайпер Максим Пассар укоротил ему одну ногу. Метко стрелял, удивительно метко. В глаза я его так и не видел, а слава о нем по всему фронту гремела.

Рассказ пассажира внимательно слушала девочка лет десяти, внучка старого нанайца. В косом разрезе ее узких черных глаз сверкнула радость, и она неожиданно для всех заговорила тоненьким веселым голоском:

— А наш пионерский отряд называется его именем. Отряд имени Максима Пассара. И школа наша в Найхине тоже имени Максима Пассара. На сборах мы стихи о нем декламируем.

— А ты знаешь стихи о Максиме?

— О, я много знаю стихов о нем.

— Расскажи хоть один.

Девочка вскинула вверх свою черную головку, и на ее свежем полном личике сквозь смуглую кожу щек проступил яркий румянец. Она читала:

Солнце быстро летит в высоту,

Шепчет трава молодая...

Снайпер Пассар давно на посту

Добычу свою поджидает.

II.

Стоял жаркий июльский полдень. Над бескрайней степью клубилась рыжая пыль, а на юго-востоке, над городом, день и ночь полыхало зарево пожаров. Земля, изрытая бомбами и переутюженная танками, стонала. Разбитая немецкая пушка уткнулась длинным стволом в распухший конский труп.

Горел степной ковыль, все затянулось дымом.

В штабной землянке душно. Полковник Сиваков, командир 117-го стрелкового полка, только что отпустил снайперов. Задержал одного — Салгиева, плечистого, приземистого старшину.

— В команду, — говорил полковник, — подберите ребят половчей да посмышленей. В минометной батарее — я был там недавно — есть подходящие. Посмотрите.

Салгиев ушел.

Оба — и офицер, и старшина — спешно комплектовали школу снайперов. Она была нужна. А поторопиться заставило вчерашнее происшествие.

Произошло это ранним утром. По блиндажам и окопам ходил офицер Генерального штаба, прибывший из Москвы, проверял оборону. Он нашел ее в идеальном порядке и, довольный, поднялся над бруствером окопа, любуясь рощей в утреннем тумане. Фуражка на нем, ремни новенькие — блестят. Не успел Сиваков предупредить офицера, что здесь небезопасно. Слышно было, как где-то раздался выстрел, чирикнула вражеская пуля, ударила полковника в висок, и он свалился на дно окопа, заливаясь кровью...

Это была работа вражеского снайпера.

...Салгиев возвращался из минометной батареи, и с ним рядом шел маленький солдат, скуластый, с узким разрезом черных глаз. Шел он легко, неслышно ступая по тропе.

Старшина представил его командиру полка.

— Пассар.

— Откуда родом?

— С Амура.

— Охотник, говорите? На медведя ходил?

— Ходил, товарищ полковник. Белку стрелял. В глаз.

Полковник сощурился.

— А скажите, Пассар, того снайпера, что вчера принес нам столько горя, сможете убрать?

— Постараюсь, товарищ полковник.

Перед рассветом Максима пропустили через передний край. Устроился он на высокой сосне, замаскировался, сидит не шелохнется. Прошел час, другой... Занемели руки и ноги. Просидел до полудня. Надоело. Скука. А сидеть надо... Вставали перед глазами картины детства, тайга, широкий и могучий Амур, село Найхин, где учился в школе-интернате. Вспомнил отца, своего сурового наставника и друга. Это он учил Максима быть терпеливым на охоте, относиться к каждому делу серьезно. Если бы не отцовская наука, разве высидел бы теперь на дереве неподвижно столько времени?!

Однажды Максим исчез из дому. Не было его утром, не пришел он и к обеду. Куда мог деваться? Кругом — тайга, недолго до беды. Мальчишку любили в семье.

Любили, может быть, за то, что всегда был тихий, как вода в глухих протоках. Только в минуты, когда его незаслуженно обижали, в глазах паренька вспыхивали огоньки. Мать порой не понимала сына, боялась за него, считала, что он способен на любой безрассудный шаг во время гнева. И теперь она с тревогой смотрела на мужа. Отец указал глазами на стену, где обычно висела его старая берданка. Мать все поняла, но тревога от этого не уменьшилась: ведь Максимке всего девять лет...

Домой мальчик вернулся, когда над тайгой опустились сумерки. Вошел молча, повесил на стену берданку, достал из-за плеч убитую утку и небрежно бросил ее в угол. А отец снял ружье, осмотрел и спросил деловито и строго:

— А где остальные пять патронов?

— Промажнулся...

— Как это можно пять раз промахнуться?

Отец достал еще три патрона, сказал сердито:

— Чтобы завтра принес три утки.

Но на завтра Максим не принес ни одной. Тогда отец пошел с ним на охоту сам. Они остановились у плеса, присели, стали ожидать. Вдруг мальчик загорелся:

— Целая стая!

— Стреляй, — спокойно сказал отец. И когда Максим хотел уже выстрелить, старый охотник положил на берданку свою тяжелую руку. — Нельзя.

Мальчика охватила досада:

— Улетят, — прошептал он с тревогой.

— Пускай летят. Мне не утки нужны, а чтобы ты стал охотником. У тебя дрогнула рука перед выстрелом, значит, плохой охотник. Нельзя тебе стрелять...

Охотились весь день вместе. Отец учил сына выдержке, хладнокровию, умению прицеливаться.

...А сидеть на сосне, выслеживая фашистского снайпера, надо. Максим улыбнулся, вспомнив отцовскую науку. Терпение и выдержка. И чтобы рука не дрогнула. Главное — не пошевелиться, не выдать себя.

Наконец Максим заметил: качнулась ветка на такой же сосне метрах в трехстах от него. Пригляделся еще лучше — фашистский снайпер. Осторожно поймал его в оптический прицел, плавно нажал спусковой крючок.

Враг, как мешок, свалился с дерева, обламывая сучья. Первый снайперский выстрел — первая удача.

Пришел Максим в штабную землянку, доложил полковнику.

— Молодец! — похвалил тот.

Максим ответил по-уставному:

— Служу Советскому Союзу.

...А служба только начиналась. Каждый свой выход на снайперскую позицию Максим отмечал в записной книжке. Вот странички из его дневника:

«22 сентября. Сегодня до рассвета вышел на свою позицию. С вечера шел дождь, и в окопе сыро. Сажу, наблюдаю. За бугром, пригибаясь, бежит немец. Я приготовился. Фриц скрылся. Снова появился. Ловлю его в перекрестие. Вижу, немец — офицер. Спокойно целюсь. Есть! Хорошее начало...».

«25 сентября. За весь день — ни одного. А вечером, в сумерках — семерых».

А что скрывается за этой короткой дневниковой записью? Посмотрим.

В полку было заведено так. Вечером, возвращаясь с позиций, снайперы должны были заходить в землянку к командиру полка и докладывать об итогах дня. Вернулись все, кроме Максима. Потом появился и он, в ватном бушлате, туго затянутом ремнем. Сразу вопрос:

— Почему задержались, товарищ Пассар?

— По важному делу, товарищ полковник.

— Попали под обстрел?

— Никак нет. До вечера все было спокойно, ни один гитлеровец не появлялся в моем секторе. Ну, думаю, пропал день. Стали сумерки надвигаться. Вдруг, смотрю, на пригорке замаячила фигурка. Я выстрелил. К убитому подбежал другой. И этот упал. На его крик подбежал третий. Я и этого уложил. Так и стрелял, пока совсем темно не стало.

Пассар неторопливо подошел к столу, сбитому из смолистых шершавых досок, и со звоном высыпал стреляные гильзы. Их было семь. Это означало, что Максим убил семь гитлеровцев: в полку все знали — он промаху не дает.

Командир полка усмехнулся:

— Нужно быть Пассаром, чтобы с такой быстротой в полутьме семь фашистских солдат подстрелить.

А записи в дневнике Максим продолжал вести. Перевернем еще страничку:

«28 сентября. Сегодня у меня хороший день. Убил сотого немца. Первый был в июне, а сотый сегодня. Сотый — это не последний. Буду беспощадно истреблять захватчиков».

Сотый убитый гитлеровец — это своего рода контрольное число для Максима.

До этого в полку состоялось комсомольское собрание. На повестке дня стоял вопрос: «Задачи комсомольцев в развитии снайперского движения». Доклад сделал полковник Сиваков. Максим выступал в прениях. Вот краткая протокольная запись его речи: «Комсомол обязывает нас отдать для Родины все свои силы, а если потребуется, и жизнь. Обещаю уничтожить сто врагов».

В решении пунктом первым было записано: «В развитии снайперского движения в полку огромную роль играет комсомол. Это начали комсомольцы Пассар, Матусов, их инициативу должны поддержать все комсомольцы».

Тогда, после собрания, парторг, оставшись наедине с Пассаром, сказал:

— Человек ты, Максим, знатный, весь фронт тебя знает. В партию вступать надо.

— Рано, — ответил Максим. — Слово себе дал: пока не убью сто фашистов, буду считать себя недостойным.

— Ладно, Максим, подождем.

И потом наступил этот день. Сентябрьским солнечным днем сорок второго года во фронтовой землянке политотдела Максим Пассар стоял перед столом партийной комиссии. Невдалеке рвались вражеские снаряды, сотрясая землю, ухали наши батареи, в воздухе рокотали самолеты.

Пассар рассказывал свою несложную биографию. Родился в тысяча девятьсот двадцать третьем году в Нанайском районе Хабаровского края в большой семье охотника. Учился в средней школе, там был принят в комсомол. Готовился поступать в институт народов Севера, помешала война. В армию пошел добровольцем. Военная специальность — снайпер. Убил сто гитлеровцев.

— Вопросы к вступающему?

Нет вопросов.

— Предложения?

— Принять кандидатом в члены партии.

...Вот с каким важным событием было связано это контрольное число — сто!

Но сотый — не последний, как сказал Максим. В конце октября, на слете снайперов фронта, он докладывал собравшимся о новой цифре.

— Сегодня, — говорил Максим Пассар, — я подытожил свою фронтовую работу. Мною уничтожено двести семнадцать гитлеровцев...

Мощным взрывом грохнули аплодисменты: такого еще не было. Максим Пассар, таежный охотник с берегов Амура, прокладывал путь снайперскому движению. Это о нем писалось во фронтовых листовках:

Выстрел без промаха —

пассаровский выстрел.

Бей по-пассаровски,

в сердце фашиста!

И когда утихла орация, к Максиму шагнул генерал. Он, как отец, тепло обнял его, поцеловал по-солдатски и от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил снайперу орден Красного Знамени.

— Не устанет моя рука бить врагов, — сказал Максим в ответ на высокую награду.

* * *

Политуправление фронта в письме на имя секретаря Хабаровского крайкома партии в январе сорок третьего года сообщало о Максиме Пассаре:

«...Неоднократно раненый, он после выздоровления снова возвращался в свою часть и с еще большим ожесточением убивал врага... 16 января 1943 года Максим Пассар убил 230-го гитлеровца. В период генеральных боев по уничтожению окруженной группировки немецких войск знатный воин нашего фронта старший сержант Максим Александрович Пассар погиб геройской смертью».

Его похоронили в селе Городище, районном центре Волгоградской области. Над его могилой установлен гранитный обелиск, на котором высечена надпись: «Герой Советского Союза М. Пассар, сын нанайского народа».

Он был настоящим богатырем. Богатырем с Амура.